

Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин

Из дáлече-далéче, из чиста поля,
Тут едут удалы два молодца,
Едут конь-ó-конь, да седлó-о-седло,
Уздú-о-узду да тосмянную,
Да сами меж собой разговаривают:
«Куды нам ведь, братцы, уж как ехать будёт?
Нам ехать, не ехать нам в Сúздаль-град?
Да в Суздале-граде питья много,
Да будёт добрым молодцам испропитисе —
Пройдёт про нас славушка недобрая.
Да ехать, не ехать в Чернигов-град?
В Чернигове-граде девки хороши,
С хорошими девками спознатца будёт —
Пройдёт про нас славушка недобрая.
Нам ехать, не ехать во Киев-град?
Да Киеву-городу на óборону,
Да нам, добрым молодцам, на выхвальбу».
Приежжают ко городу ко Киеву,
Ко тому жо ко князю ко Владимиру,
Ко той жо ко гриденки ко светлой,
Ставают молодцы да со добрых коней,
Да мецют коней своих невязаных,
Некому-то коней да неприказанных —
Некому-то до коней да, право, дела нет.
Да лазят во гриденку во светлую,
Да крест-от кладут-де по-писаному,
Поклон-от ведут да по-учёному,
Молитву творят да всё Исусову,
Они бьют челом на вси чотыри стороны,
А князю с княгиней на особинку:
«Ты здраствуй, Владимир стольно-киевской!
Ты здраствуй, княгина мать Апраксия!»
Говорит-то Владимир стольно-киевской:
«Вы здраствуй, удалы добры молодцы!
Вы какой жо земли, какого города,

Какого отца, да какой матушки?
Как вас, молодцов, да именём зовут?»
Говорит тут удалой доброй молодец:
«Миня зовут Олёшой нынь Поповицём,
Попа бы Левонтья сын Ростовского,
Да другой-от Еким, Олёшин паробок».
Говорит тут Владымер стольно-киевской:
«Давно про тя весточка прохаживала —
Случилосе Олёшу в очи видети;
Да пёрво те место да подле меня,
Другó тебе место супротив меня,
Третьё тебе место — куды сам ты хошь».
Говорит-то Олёшинька Поповиц-от:
«Не седу я в место подлѣ тибя,
Не седу я в место супротів тибя,
Да седу я в место, куды сам хоцю,
Да седу на пецьку на муравленку,
Под красно хорóшо под трубно окно».
Немножко поры-де миновалосе —
Да на пету гриня отпиралосе,
Да лазат-то цюдо поганое,
Собака Тугарин был Змеевич-от;
Да Богу собака не молитче,
Да князю с княгиной он не кланетче,
Князьим и боярам он челом не бьёт;
Вышина у собаки видь уж трёх сажон,
Ширина у собаки видь двух охват,
Промежу ему глаза да калена стрела,
Промежу ему ушей да пядь бумажная;
Садилса собака он за дубов стол,
По праву руку князя он Владимира,
По леву руку княгины он Апраксии;
Олёшка на запечье не утерпел:
«Ты ой есь, Владымир стольно-киевской!
Али ты с княгиной не в любе живешь?
Промежу вами чудо сидит поганое,
Собака Тугарин-от Змеевич-от».
Принесли-то на стол да как белу лебедь,
Вынимал-то собака свой булатен нож,

Поддел-то собака он белу лебедь,
Он кинул, собака, ей себе в гортань,
Со щеки-то на щеку перемётыват
Лебёжьё косьё да вон выплюиват.
Олёша на запечье не утерпел:
«У моего у света у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Был старо собачишшо дворовоё,
По подстолью собака волочиласе,
Лебежею косью задавилосе,
Собаки Тугарину не минуть того,
Лежать ему во дáлече в чистом поле».
Принесли-то на стол да пирог столово́й,
Вымал-то собака свой булатен нож,
Поддел-то пирог да на булатен нож,
Он кинул, собака, себе в гортань.
Олёшка на запечье <не> утерпел:
«У моего у света у батюшка,
У попа у Левонтья Ростовского,
Было старо корóвишшо дворовое,
По двору-то корова волочиласе,
Дробиной корова задавиласе,
Собаки Тугарину не минуть того,
Лежать ему во далечем чистом поле».
Говорит-то собака нынь Тугарин-от:
«Да што у тя на зáпечье за смерд сидит,
За смерд-от сидит, да за засельшина?»
Говорит-то Владимир стольно-киевской:
«Не смерд-от сидит, да не засельшина,
Сидит руськёй могучёй да бóгатырь,
А по имени Олёшинья Попович-от».
Вымал-то собака свой булатен нож,
Да кинул собака нож на зáпечье,
Да кинул в Олёшиньку Поповиця;
У Олёши Екимушко подхвядчив был,
Подхватил он ведь ножицёк за черешок,
У ножа были припóи нынь серебряны,
По весу-то припóи были двенадцеть пуд.
Да сами они-де похваляютца:

«Здесь у нас дело заежжое,
А хлебы у нас здесь завозныя,
На вине-то пропьём, хоть на калаче проедим».
Пошел-то собака из застолья вон,
Да сам говорил-де таковы речи:
«Ты будь-кё, Олёша, со мной на полё».
Говорит-то Олёша Поповиць-от:
«Да я с тобой, с собакой, хоть топере готов».
Говорит-то Екимушко да парубок:
«Ты ой есь, Олёшинья, названой брат!
Да сам ли пойдёшь али миня пошлёшь?»
Говорит-то Олёша нынь Поповиць-от:
«Да сам я пойду, да не тибя пошлю,
Да силы у тя дак есь ведь с два миня».
Пошел-то Олёша пеш дорогою,
Настрету ему идёт названой брат,
Названой-от брат идет Гурьюшко,
На ногах несёт поршни кабан-зверя,
На главы несёт шолон земли Греческой,
Во руках несёт шолыгу подорожную,
По весу была шолыга девеносто пуд,
Да той же шолыгой подпиратца.
Говорит-то Олёшинья Попович-от:
«Ты здравствуй, ты мой ты названой брат!
Названой ты брат да ведь уж Гурьюшко!
Ты дай мне-ка поршни кабан-зверя,
Ты дай мне шолон земли Греческой,
Ты дай мне шолыгу подорожную».
Наложил Олёша поршни кабан-зверя,
Наложил Олёша шолон земли Греческой,
В руки взял шолыгу подорожную,
Пошел-то Олёша пеш дорогою,
Да этой шолыгай подпиратце —
Он смотрел собаку во чистом поле:
Летаёт собака по поднебесью,
Да крылья у коня ноньце бумажноё.
Он втапоры, Олёша сын Поповиць-от,
Он молитця Спасу Вседержителю,
Чудной мати Божей Богородици:

«Уж ты ой еси, Спас да Вседержитель наш!
Чудная есть мать да Богородица!
Пошли, Господь, с неба крупна дождя,
Подмочи, Господь, крыльё бумажное,
Опусти, Господь, Тугарина на сыру землю!»
Олёшина мольба Богу доходна была:
Послал Господь с неба крупна дождя,
Подмочилось у Тугарина крыльё бумажное,
Опустил Господь собаку на сыру землю.
Да едет Тугарин по чисту полю,
Кричит он, зычит да во всю голову:
«Да хошь ли Олёша я конём стопчу?
Да хошь ли Олёша я копьем сколю?
Да хошь ли Олёша я живком зглону?»
На то-де Олёшинья ведь вёрток был,
Подвернулса под гриву лошадиную.
Да смотрит собака по чисту полю,
Да где-де Олёша нынь стоптан лежит —
Да втапоры Олёшинья Поповиць-от
Выскакивал из-под гривы лошадиной,
Он машот шолыгой подорожною
По Тугариновой-де по буйной головы.
Покатилась голова да ' плечь, как пуговиця,
Свалилось трупье да на сыру землю.
Да втапоры Олёша сын Поповиць-от
Имаёт Тугаринова добра коня,
Левой-то рукой да он коня дёржит,
Правой-то рукой он трупье секёт,
Россек-то трупье да по мелку часью,
Розметал-то трупье да по чисту полю.
Поддел-то Тугаринову буйну голову,
Поддел-то Олёша на востро копьё,
Повёз-то ко князю ко Владимиру,
Привёз-то ко гриденке ко светлой,
Да сам говорил-де таковы речи:
«Ты ой есь, Владимир стольно-киевской!
Буди нет у тя нынь пивна котла,
Да вот-те Тугаринова буйна голова;
Буди нет у тя дак пивных больших чаш,

Дак вот те Тугариновы есны оци;
Буди нет у тя да больших блюдишшов,
Дак вот те Тугариновы больши ушишша».

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., д. Бедовая Пустозерской вол. (зап. в сел. Оксино) — от Маркова Павла Григорьевича, 76 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.